

Научная статья /
Research Article

<https://elibrary.ru/HNHUAF>
УДК 821'01(37).0
ББК 83.3(0)323

СРАВНЕНИЯ В РЕЧИ ПОВЕСТВОВАТЕЛЯ И ПЕРСОНАЖЕЙ КАК ТРАДИЦИОННЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ СТИЛЯ ЭПИЧЕСКОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ «ЭНЕИДЫ» ВЕРГИЛИЯ)

© 2022 г. А.В. Котова

*Санкт-Петербургский государственный
университет ветеринарной медицины,
Санкт-Петербург, Россия*

Дата поступления статьи: 07 мая 2021 г.

Дата одобрения рецензентами: 22 июля 2021 г.

Дата публикации: 25 сентября 2022 г.

<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-3-84-109>

Аннотация: В статье рассматриваются особенности функционирования сравнений в речи повествователя и персонажей в «Энеиде» Вергилия. На основе количественных данных демонстрируется взаимосвязь между характером распределения сравнений и субъектом речи, содержанием текста и развитием сюжета. Как показывает анализ, сравнения в речи повествователя служат для описания и характеристики героев, людей, богов, хтонических существ и явлений. Сравнения в речи персонажей используются в общении с тенями умерших, вещих снах, пророчествах, описании хтонических существ, а также для характеристики действий противоборствующих сторон и отдельных героев в эпизоде гибели Трои. Делается вывод о том, что характер распределения этих стилистических средств выражения в тексте «Энеиды» не случаен и следует предшествующей эпической традиции: сравнения преобладают в тех частях и эпизодах поэмы, в которых дается описание сражений и поединков, и сосредоточены они в речи повествователя, в речи персонажей их существенно меньше. Сохраняя черты преемственности с предшествующей традицией, поэма Вергилия отличается и принципиальной новизной в творческом подборе и расположении эстетических речевых элементов.

Ключевые слова: римский эпос, Вергилий, «Энеида», сравнения.

Информация об авторе: Анастасия Викторовна Котова — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, Санкт-Петербургский государственный университет ветеринарной медицины, ул. Черниговская, д. 5, 196084 г. Санкт-Петербург, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9871-7840>

E-mail: anastakot@gmail.com

Для цитирования: Котова А.В. Сравнения в речи повествователя и персонажей как традиционные элементы стиля эпического текста (на материале «Энеиды» Вергилия) // Studia Litterarum. 2022. Т. 7, № 3. С. 84–109. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-3-84-109>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Studia Litterarum,
vol. 7, no. 3, 2022

SIMILES IN NARRATOR'S AND CHARACTERS' SPEECH AS TRADITIONAL ELEMENTS OF EPIC STYLE (ON THE MATERIAL OF VIRGIL'S "AENEID")

© 2022. Anastasia V. Kotova

*Saint-Petersburg State University of Veterinary
Medicine, St. Petersburg, Russia*

Received: May 07, 2021

Approved after reviewing: July 22, 2021

Date of publication: September 25, 2022

Abstract: The article deals with the peculiarities of the functioning of similes in narrator's and characters' speech in Virgil's "Aeneid." The author of the article demonstrates the relation between the nature of the distribution of similes and the subject of speech, the content of the text and the development of the plot on the basis of quantitative data. As the analysis shows, similes in the narrator's speech serve to describe and characterize heroes, people, gods, chthonic creatures and phenomena. Similes in the characters' speech are used in communication with the shadows of the dead, prophetic dreams, prophecies, descriptions of chthonic creatures, as well as for characterizing actions of the opposing sides and individual heroes in the episode of the fall of Troy. The conclusion is that the distribution of similes in the text of the "Aeneid" is not accidental and follows the previous epic tradition: similes prevail in those parts and episodes of the poem in which the description of battles and duels is given, and they are concentrated in the speech of the narrator, in the speech of the characters they are significantly fewer. While preserving the features of continuity with the previous tradition, Virgil's poem also distinguishes by its fundamental novelty in the creative selection and arrangement of aesthetic speech elements.

Keywords: Roman epic, Virgil, "Aeneid," similes.

Information about the author: Anastasia V. Kotova, PhD in Philology, Associate Professor, Saint-Petersburg State University of Veterinary Medicine, Chernigovskaya 5, 196084 St. Petersburg, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9871-7840>

E-mail: anastakot@gmail.com

For citation: Kotova, A.V. "Similes in Narrator's and Characters' Speech as Traditional Elements of Epic Style (on the Material of Virgil's 'Aeneid')." *Studia Litterarum*, vol. 7, no. 3, 2022, pp. 84-109. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-3-84-109>

Римские эпические поэмы имеют общие черты, что объясняется как законами жанра, так и тем, что литературная традиция формировалась на основе сознательной ориентации авторов на тексты предшественников. Вместе с тем каждый поэт привносил новаторские черты в формирование тех или иных художественных приемов исходя из контекста своих произведений. Характерной особенностью античных эпических поэм являются сравнения, которые используются не только для разъяснения или иллюстрации, но и выполняют различные задачи в повествовании: структурируют текст, замедляют действие, повышают напряжение в отдельных сценах и эпизодах, характеризуют персонажей, создают внутри- и интертекстуальные ссылки и др. [33, р. 768]; таким образом, сравнения несут смысловую нагрузку, принципиальную для понимания текста.

В научной литературе, посвященной изучению художественного приема сравнения в античном эпосе, предметом рассмотрения является содержательная сторона сравнений [2; 5; 23; 18], их источники [34; 41; 12; 7; 36], способы построения и ввода в текст [25; 22], функции сравнений [30; 31; 32; 14; 40; 37; 24]. При всей широте и глубине исследований эпической техники вопрос об особенностях функционирования сравнений в субъектной организации речи недостаточно освещен до сих пор¹. Вместе с тем эта проблема имеет важное самостоятельное значение в изучении поэтической выразительности эпического произведения.

¹ Исследование сравнений в речи автора и персонажей проведено только на материале «Илиады» Гомера [39].

В настоящей статье рассматриваются особенности использования сравнений в речи повествователя и речи персонажей в «Энеиде» Вергилия², ранее не являвшиеся предметом специального изучения.

Цель исследования — на основе количественных данных выявить общие и специфические характеристики распределения сравнений в тексте поэмы, установить взаимосвязь между характером распределения сравнений и разновидностью речи, содержанием текста и развитием сюжета, а также сопоставить полученные результаты с особенностями распределения сравнений в текстах предшествующей эпической традиции³.

В исследовании используются методы дескриптивной статистики, основанные на типологической группировке первичных данных, базовым признаком в которой является принадлежность к определенному субъекту речи.

Для целей нашего исследования все сравнения, обнаруженные в поэме, разделены на две категории в зависимости от субъекта речи: сравнения в речи повествователя и сравнения в речи персонажей; для каждого сравнения определен его объем. Под объемом в данном исследовании понимается количество стихотворных строк. На основании полученных данных рассчитан совокупный объем сравнений в книгах поэмы с распределением по двум субъектам речи: в речи повествователя и в речи персонажей.

Поскольку все книги поэмы имеют разный объем, для корректного сопоставления результатов наблюдений были определены относительные объемы сравнений, вычисленные как частное от деления объема сравнений в книге на объем книги [16, с. 63]. Рассчитанная таким образом величина показывает, какую долю в объеме книги составляют сравнения. Произведен итоговый подсчет, т. е. определено суммарное значение удельных величин объема сравнений в полном тексте поэмы, принятое за базовый показатель (93,76). Следующим действием было рассчитано процентное содержание сравнений в речи повествователя и речи персонажей для каждой книги в общем объеме сравнений. Результаты наблюдений представлены в таблице 1 и на рис. 1.

2 В работе использовался текст «Энеиды» по изданию [44].

3 Об особенностях использования Вергилием в «Энеиде» элементов других жанров см.: [27, p. 57–63; 28, p. 207–240].

Таблица 1 – Объем сравнений в книгах поэмы «Энеида»

Table 1 – The volume of comparisons in the books of the poem “Aeneid”

Номер книги	Объем книги	В поэме в целом			В речи повествователя			В речи персонажей		
		Абс.	% в объеме книги	% к итогу	Абс.	% в объеме книги	% к итогу	Абс.	% в объеме книги	% к итогу
1	756	47	6,22	6,63	43	5,69	6,07	4	0,53	0,56
2	804	57	7,09	7,56	–	–	0,00	57	7,09	7,56
3	718	8	1,11	1,19	–	–	0,00	8	1,11	1,19
4	705	60	8,51	9,08	60	8,51	9,08	–	–	–
5	871	69	7,92	8,45	69	7,92	8,45	–	–	–
6	901	61	6,77	7,22	33	3,66	3,91	28	3,11	3,31
7	817	61	7,47	7,96	59	7,22	7,70	2	0,24	0,26
8	731	54	7,39	7,88	47	6,43	6,86	7	0,96	1,02
9	818	84	10,27	10,95	84	10,27	10,95	–	–	–
10	908	93	10,24	10,92	93	10,24	10,92	–	–	–
11	915	68	7,43	7,93	68	7,43	7,93	–	–	–
12	952	127	13,34	14,23	127	13,34	14,23	–	–	–
Итого	9896	789	93,76	100,00	683	80,72	86,09	106	13,04	13,91

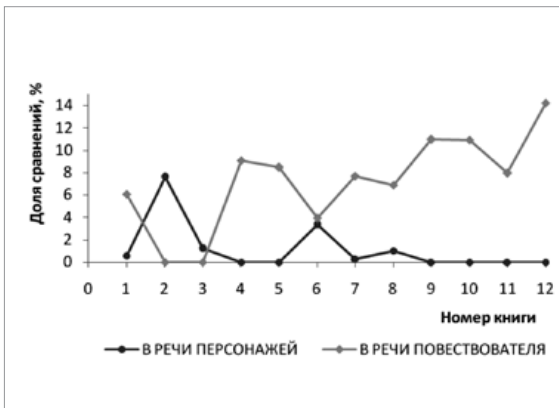

Рисунок 1 – Распределение сравнений по субъектам речи в «Энеиде»

Figure 1 – Distribution of comparisons by subjects of speech in the “Aeneid”

Сравнения присутствуют во всех книгах поэмы, а их распределение между речью повествователя и речью персонажей имеет особенности, связанные с сюжетом и композицией произведения. Поэма состоит из 12 книг и по содержанию делится на две части: «странствия» (книги I–VI) и «битвы» (книги VII–XII), которые традиционно сопоставляются как «римская Одис-

сея» и «римская Илиада» [4, с. 130]. По нашим подсчетам, в тексте «Энеиды» содержится 132 сравнения, из них на книги I–VI приходится 53 сравнения, которые занимают 302 стиха, во второй части поэмы (книги VII–XII) странствия героя сменяются военными эпизодами в Италии, количество и объем сравнений увеличивается и составляет 79 сравнений в 487 строках.

Примечательно, что характер распределения сравнений между частями поэмы соответствует композиционному приему «золотого сечения»⁴, числовая величина которого составляет 1,618. Соотношение между количеством стихов, занятых сравнениями, в первой, во второй частях поэмы и произведении в целом дают результаты, весьма близкие к его величине:

$$\frac{487}{302} = 1,613; \quad \frac{789}{487} = 1,620;$$

Известно, что композиционные решения, основанные на принципе золотого сечения, придают произведению художественную выразительность и эстетическую эмоциональность [3, с. 200]. Сейчас, конечно, трудно сказать, использовал Вергилий золотую пропорцию или действовал интуитивно, на основании художественного вкуса, обогащая поэму сравнениями, но очевидно, что поэт учитывал закономерности эмоциональной речи, используя изобразительно-выразительные приемы в создании произведения.

Распределение сравнений по субъектам речи в поэме имеет следующие характеристики: 111 сравнений занимают 683 строки в речи повествователя, 21 сравнение представлено в 106 строках в речи персонажей, что составляет в объемном выражении 86,09% и 13,91% соответственно.

Следует отметить, что и в предшествующей эпической традиции сравнения являются отличительной чертой речи повествователя, в речи персонажей они встречаются значительно реже⁵ [14, с. 102].

4 А. Цейзинг в труде «Эстетические исследования» писал: «Для того чтобы целое, разделенное на две неравные части, казалось прекрасным с точки зрения формы, между меньшей и большей частями должно быть такое же отношение, что между большей частью и целым» [3, с. 5].

5 А. Фингерле насчитывает в «Илиаде» 697 речей и 672 в «Одиссее» (цит. по: [29, р. 19]). В «Илиаде» около семидесяти пяти говорящих персонажей, и почти столько же в «Одиссее» [21]. В «Илиаде» Гомера встречается 214 сравнений в речи повествователя и 15 в речи героев, в «Одиссее» поэт использует 32 сравнения в речи повествователя и 12 в речи персонажей [14, с. 95]. В «Аргонавтике» Аполлония Родосского сравнения встречаются 114 раз, из них только 4 принадлежат речи персонажей [13, с. 275]. В «Энеиде» насчитывают 290 речей, которые

Представляется продуктивным для целей нашего исследования рассмотреть распределение сравнений в речи персонажей по книгам поэмы в параллельном сопоставлении с речью повествователя.

Начинается поэма на седьмом году странствий Энея; на пути в Италию он застигнут бурей и прибит к берегам Карфагена. В первой книге в речи персонажей встречается одно сравнение, оно принадлежит Венере, которая является сыну в виде охотницы, ободряет его и дает предсказание о возвращении разбросанных бурей спутников Энея, интерпретируя полет птиц (I, 397–400). В речи повествователя поэт использует пять сравнений, из которых три характеризуют действия богов: Нептун успокаивает волны (I, 148–156), Венера преображается в Гарпалику (I, 314–320) и украшает Энея (I, 588–593). Два сравнения связаны с царицей Дидоной. В первом, развернутом сравнении, занимающем 14 строк, тирийцы, строящие Карфаген, сопоставляются с пчелами на цветочных полях (I, 423–436). Другое сравнение посвящено самой Дидоне — в нем царица, идущая в сопровождении многочисленных тирских юношей, сопоставляется с богиней Дианой в окружении горных нимф (I, 498–504)⁶.

Вставной рассказ Энея, занимающий вторую и третью книги, возвращает действие в прошлое. Во второй книге Эней повествует на пиру у карфагенской царицы о гибели Трои и причинах, побудивших его пуститься в долгое плавание. События эти эмоционально окрашены восприятием рассказчика, на глазах которого «падает в прах с высоты Нептунова Троя»⁷, и это крушение сопоставляется в развернутом сравнении с гибелью старого ясеня (II, 625–631). Динамичность описания, личное отношение, которое звучит в каждом слове Энея, сопровождают его взволнованный рассказ одиннадцатью сравнениями, объем которых составляет 7,56% от общего объема сравнений в тексте поэмы. Сравнения присутствуют в описании боев, в которых мощь и неотвратимый натиск данайцев сопоставляются со стихийными явлениями природы — ветром и водными потоками, сносящими все на своем пути (II, 413–419; II, 494–499), в изображении и характеристиках отдельных героев (II, 220–224; II, 378–382; II, 469–475).

произносят девяносто персонажей [29, р. 302, 327–339]. Сравнения в «Энеиде» встречаются в речи семи персонажей: это Эней (13), Анхиз (2), Эвандр (2), Венера (1), Сивилла (1), Деифоб (1) и Амата (1) [8, с. 1030].

6 Подробно это сравнение было рассмотрено нами в [9].

7 Цитаты из «Энеиды» приводятся в переводе С.А. Ошерова по изданию [42].

В третьей книге Эней продолжает свой рассказ и повествует о шести годах скитаний по морю и землям в поисках Италии и событиях этого трудного пути. В этой книге встречается всего два сравнения, в которых дается образное описание циклопов (III, 635–637; III, 677–681). Объем сравнений и их количество являются минимальными во всей поэме и составляют 1,19%.

Тенденция использования большого количества сравнений в описаниях сражений, битв, войн наблюдается во всей поэме, если рассматривать ее как двухчастную структуру: в первой части, посвященной скитаниям героя, их меньше, во второй части, посвященной войнам троянцев за право освоения италийской земли, их больше.

Такой же характер прослеживается при сопоставлении распределения сравнений в повествовании, которое ведется от лица Энея: во второй книге, описывающей падение Трои, содержащей батальные сцены, их больше, чем в третьей книге, посвященной плаванию героев⁸. Эта традиция берет свое начало в поэмах Гомера: количество сравнений в «Илиаде» значительно превышает их число в «Одиссее».

В четвертой книге поэмы, посвященной истории любви Дидоны и Энея, в которой «глубина и патетика в описании любовной страсти достигают наивысшего напряжения», а «монологи героини занимают большое и самостоятельное место» [17, с. 33], речи персонажей не содержат ни одного сравнения. Борьба чувств и побуждений героев находит отражение в девяти развернутых сравнениях в речи повествователя размером от четырех до десяти строк, что дает максимальную для первой части поэмы величину объема сравнений 9,08%. Самой Дидоне посвящено три сравнения, в первом из которых сжигаемая всепоглощающей страстью царица представлена в образе лани, раненной стрелой пастуха, которую поэт называет «роковой» (IV, 68–73). Сравнение предсказывает судьбу Дидоны — «сокрытая рана в груди» станет явной, а пламя, сжигающее царицу, станет огнем погребального костра [38, р. 47].

Второе сравнение показывает Дидону, угадавшую скорый отъезд Энея, в образе вакханки, которая мчится к месту ночных празднеств с гром-

8 63% всех сравнений в речи персонажей принадлежат Энею, и сосредоточены они во второй и третьей книгах. Примечательно, что в речи Энея, которая присутствует во всех книгах поэмы, кроме девятой, сравнения больше нигде не встречаются.

ким призывным кличем (IV, 300–303); это сравнение предваряет полную драматизма речь героини, обращенную к Энею, в которой она то упрекает его в вероломстве, то заклинает остаться с ней, то умоляет сжалиться над «гибнущим домом», то гонит и проклинает, обещая преследовать «с факелом черным»⁹.

Третье сравнение включено в перечень дурных предзнаменований, которые видит и слышит царица: ее мучит повторяющийся ночной сон, в котором свирепый Эней гонится за ней, «она же, / Брошена всеми, одна, брела по длинной дороге». Царица сопоставляется с мифологическими персонажами греческих трагедий: обезумевшим Пенфеем, который видит «Эвменид ряды в иступленье, / Солнца два в небесах и города два семивратных», и Орестом, преследуемым богинями мести Эриниями (IV, 465–473). Как и Пенфей, Дидона безумна и не видит истины [19, с. 120], а образ Ореста, используемый в сравнении, представляет царицу одновременно как жертву и мстителя. Сравнения, посвященные Дидоне, отличаются эмоционально-психологическим характером и подчинены передаче переживаний и раздумий царицы.

Два объемных сравнения в четвертой книге посвящены Энею, в которых дается характеристика его внешних и внутренних качеств. В первом сравнении Эней, отправляющийся на охоту, сопоставляется с Аполлоном, «спутников всех красотой лица затмевая» (IV, 141–150). Второе сравнение характеризует неумолимость Энея, которому «бог и судьба запрещают» внять просьбам Дидоны, переданным герою Анной, и отложить отъезд из Карфагена. В развернутом сравнении непреклонность Энея сопоставляется с нерушимостью столетнего дуба, растущего на скале и обдуваемого ветрами с разных сторон (IV, 441–449). Известно, что в создании четвертой книги поэт опирался на Аполлония Родосского, «без которого — с его повествованием о Мееде — Вергилий не смог бы так изобразить зарождение любви в сердце Дидоны» [1, с. 743]. Примечательно, что в третьей книге «Аргонавтики», посвященной развитию любовной интриги, только одно сравнение произносит персонаж: Ясон просит Мееду убедить отца решить дело мирным путем, как Минос с Те-

9 Ф. Харди убедительно доказывает, что это проклятие предполагает будущее существование Дидоны как Фурии, которая позаботится о том, чтобы Эней понес наказание за предательство [26, p. 41].

сеем (III, 1100–1101), все остальные сравнения принадлежат речи повествователя [12, с. 44].

В пятой книге, посвященной поминальным играм по Анхизу, которые Эней проводит в годовщину смерти отца, сравнения представлены только в речи повествователя: 14 сравнений занимают 69 строк, что составляет 8,45% в общем объеме сравнений. Такой высокий показатель обусловлен тем, что спортивные состязания по используемым лексическим средствам сопоставимы с описаниями боевых действий, а концептосферы «спорт» и «война» имеют общие составляющие разного типа, соотнесенные с обозначением субъектов деятельности (противники); действий, характерных для спорта и войны (битва, сражение); событий (победа, поражение), а также понятий, характеризующих качества участников (мужество, героизм, смелость, сила, слабость, трусость) [10, с. 32]. Сопоставление войны со спортивными играми есть в «Илиаде» — эпизод преследования Гектора Ахиллом содержит сравнение с состязанием бегунов (II, XXII, 157–166): «Там прористали они, и бегущий, и быстро гонящий. / Сильный бежал впереди, но преследовал много сильнейший, / Бурно несясь; не о жертве они, не о коже воловой / Спорились бегом: обычная мзда то ногам бегоборцев; / Нет, об жизни ристались Гектора, конника Трои. / И, как на играх, умершему в почесть, победные кони / Окрест меты беговой с быстротою чудесно скачут, — / Славная ждет их награда, младая жена иль треножник, — / Так троекратно они пред великою Троей кружились, / Быстро носящиеся»¹⁰. По этой модели Вергилием построено описание подобной сцены в поединке Энея и Турна (XII, 763–765): «Пятый замкнули они уже круг, пять раз пробежали / Путь свой туда и назад: ведь не ради ничтожной награды / Так состязались они, но о жизни спорили Турна». Не только в эпосе игры были близки к войне — Пиндар восхваляет спортсменов в тех же выражениях, что и воинов [35, р. 271]. Первенство среди себе подобных в спортивном состязании рассматривалось в Античности как один из путей достижения славы, являвшейся высшим жизненным идеалом героя [20, с. 191].

Все это находит отражение в «Энеиде»: соревнующиеся «одержимы неистовым пылом» (V, 202) и «жаждою славы» (V, 138), «за честь заплатить они жизнью готовы» (V, 230). Описывая соревнование гребцов, поэт

10 Цитаты из «Илиады» приводятся в переводе Н.И. Гнедича по изданию [43].

сопоставляет корабли с колесницами во время ристалищ (V, 139–147), стремительное движение судна сравнивается с полетом стрелы (V, 241–243). Кулачный боец Дарет подобен воину, «что взять неприступный город стремится / Или с оружием в руках осаждает горную крепость» (V, 439–442). Изображая состязания в гребле, беге, стрельбе, конном спорте, Вергилий использует также «природные» сравнения: так, Мнесфей, рассекающий волны на судне «Кит», сопоставляется с летящей голубкой (V, 213–219), бегуны сравниваются с облаком (V, 315–317), а Нис — с ветрами и молниями (V, 318–319), рухнувший на землю Энтелл сопоставляется с сосной, падающей с Эриманфа или Иды (V, 446–449), Энтелл, гонящий и бьющий Дарета, — с градом, стучащим по крыше (V, 458–460), стрела Акеста — с падающими звездами (V, 525–528). Заметим, что в «Илиаде» описание поминальных игр по Патроклу содержит шесть сравнений общим объемом 22 строки, все они представлены в речи повествователя. Стремительный отрыв от соперников колесницы Антилоха сопоставляется с дальностью полета метательного диска, брошенного «мужем младым, испытующим юную силу» (II, XXIII, 431–433), у Менелая, получившего награду, «сердце растаяло с радости, словно роса по колосьям / Зреющей нивы, когда цепенеют от зноя долины» (II, XXIII, 597–600), поверженный в кулачном бою Эвриал подобен рыбе, выброшенной на берег (II, XXIII, 692–694). В трех остальных случаях образы сравнений участников состязаний взяты из бытовой жизни людей (II, XXIII, 710–714; 760–763; 845–847). Построенные по гомеровской модели, поминальные игры в «Энеиде» имеют количественные и качественные отличия в части использования сравнений. У Вергилия в описание спортивных состязаний включено 12 сравнений, которые занимают объем 62 строки, что превышает их количество в описании погребальных игр у Гомера в два раза, а объем в три раза. Что касается семантики образов сравнений, Вергилий, в отличие от Гомера, не использует в данном контексте «бытовых» сравнений, а заимствует образы преимущественно из «военной» и «природной» сферы, подчеркивая мощь, силу и стремительность участников состязаний.

В шестой книге Эней спускается в подземное царство, чтобы повидаться с отцом, — этот эпизод «превращается у Вергилия в центральную, философскую и историко-политическую часть повествования» [15, с. 13], в которой речам персонажей отводится важное место. Г. Хайет отмечает,

что шестая книга содержит мало действий и много разговоров, но только восемь персонажей говорят в ней [29, р. 20], из них сравнения содержатся в речи трех из них.

В Тартаре пророчица Сивилла, которая сопровождает героя на этом пути, сравнивает глубину чертога, охраняемого многоголовой гидрой, с двукратным расстоянием от земли до небесного Олимпа (VI, 577–579). В подземном царстве Эней встречает тени умерших, с некоторыми из них ему удастся поговорить. Так Деифоб, погибший в Трое из-за коварства и предательства Елены, спрятавшей его меч, пока он спал, в рассказе об этом сравнивает свой глубокий и сладкий сон с безболезненной смертью (VI, 522).

Эта книга содержит самый важный диалог во всей поэме, включающий обширное пророчество Анхиза, который показывает Энею его потомков, будущих великих царей, составивших славу Рима; особое внимание уделяется роли Августа, который водворит золотой век и покорит своей властью весь мир. Речь Анхиза в шестой книге содержит множество аллюзий на Энния и Лукреция [29, р. 231–243; 27, р. 54; 28, р. 232], что подчеркивает ее эпический характер.

В пророческой речи Анхиза содержатся два развернутых сравнения (VI, 781–787; VI, 791–805), которые идут почти подряд, при этом второе сравнение, прославляющее Августа, занимает 15 строк и является самым протяженным в поэме.

В шестой книге сравнения распределяются по субъектам речи следующим образом: 3,91% в речи повествователя и 3,31% в речи персонажей. Отметим, что это единственная книга поэмы, в которой сравнения равномерно распределены по субъектам речи, в то время как в остальном тексте они имеют выраженную концентрацию либо в речи повествователя, либо в речи персонажей.

Несколько важных, на наш взгляд, особенностей имеют сравнения в речи повествователя, представленные в шестой книге поэмы. Так, сравнение Дидоны с кремнем или марпесским мрамором, когда она остается твердой и безэмоциональной к словам и слезам Энея, переключается со сравнением в эпизоде четвертой книги, в котором Эней остается безучастным к слезам и мольбам самой Дидоны, переданным ему Анной (VI, 469–471 и IV, 441–449).

Сравнение в речи повествователя, присутствующее в описании ускользающей тени Анхиза, которую Эней трижды пытается удержать, сжимая в объятиях, имеет полное текстовое совпадение со сравнением ускользающей тени Креусы во второй книге (V, 700–702 и II, 793–794):

ter conatus ibi collo dare bracchia circum,
 ter frustra compressa manus effugit imago,
 par levibus ventis volucrique simillima somno.

Кроме того, это сравнение в «Энеиде» дает отсылку к поэме Гомера, где Одиссей в подземном царстве трижды пытался обнять душу матери, которая «ускользала, подобная тени иль сновиденью» (Od. XI, 206–208). Образный повтор, выступающий совместно с художественным приемом сравнения, основанным на реминисценции, и усиленный аллитерацией, наделяет событие дополнительным, символическим значением. Такая концентрация художественных приемов в одном эпизоде служит средством эмоционального и смыслового усиления воздействия на читателя, направленным на побуждение его встречной активности, достижение эмоционального отклика и сопереживания, а их комбинация — способом дополнить действие одних приемов другими [6, с. 296].

В седьмой книге Эней высаживается в Лациуме, которым правит старый царь Латин. Дочь царя Лавиния по желанию матери была помолвлена с Турном и «мечтала царица скорее / Зятем сделать его — но мешали ей знаменья свыше» (VII, 57–58). Согласно пророчествам, мужем Лавинии должен стать чужестранец, которым, как считает Латин, является троянец Эней. Амата, мать Лавинии, выступает категорически против этого союза — в ее речи, обращенной к мужу, содержится сопоставление брака Энея и их дочери с похищением Елены Парисом (VII, 363–364). Апелляция к прецедентным именам в этом сравнении понятна слушателю и читателю, знакомому с литературной традицией, без дополнительной расшифровки, инвариантом восприятия которых является Троянская война [11, с. 43]. Кроме того, это сравнение имеет смысловую перекличку с пророчеством Кумской Сивиллы, которая уподобляет грядущие войны Энея Троянской войне и предсказывает будущий брак Энея с Лавинией, который будет причиной войны, как брак Париса и Елены (VI, 89–94).

В речи повествователя поэт использует восемь сравнений, из которых три показывают результаты коварства фурии Аллекто: взбешенная змеиным ядом Амата мечется по Лавренту, словно кубарь под действием ударов бича (VII, 378–384); обезумевший Турн, в котором гнев кипит, как вода в котле, ищет оружие и хочет войны (VII, 460–466); ручной олень, раненный Асканием, руку которого направила Аллекто, возвращается домой и «словно слезной мольбой, весь дом своей жалобой полнит» (VII, 500–502). Это событие становится поводом для первого вооруженного столкновения троянцев и латинян, развитие которого сопоставляется поэтом с постепенно вздымающимся при шторме морем (VII, 523–530). В этих условиях царь Латин, окруженный требующими войны латинянами, незыблем и тверд, как скала в бушующем море, «всей громадой своей отражает бешеный натиск / Воющих волн» (VII, 585–590). Распахнутые Юноной ворота войны в храме Януса становятся сигналом к сбору ратей. В «смотре войск» поэт в развернутых сравнениях показывает многочисленность воинов, сравнивая их количество с числом волн в море и колосьев в полях (VII, 710–721), а также плотной стаей птиц (VII, 698–705). В образных сравнениях Вергилий дает характеристику отдельных воинов, сопоставляя их по стихийной силе и мощи с кентаврами (VII, 670–677). В седьмой книге сравнения распределяются по субъектам речи следующим образом: 7,70% в речи повествователя и 0,26% в речи персонажей.

В восьмой книге Турн объявляет троянцам войну, выставив на Лаврентской крепости знамя, и собирает союзников. Эней, погруженный в заботы о предстоящих сражениях, кидается в своих мыслях из одной крайности другую, словно отраженный в воде свет солнца или луны мечется по поверхности (VIII, 18–25). В поисках союзников и по совету богов он обращается к царю Эвандру, переселившемуся со своим народом на италийские земли из Аркадии. На жертвенном пиру царь рассказывает Энею о подвиге Геркулеса и его победе над Каком. Как отмечает Г. Хайет, «иногда кажется, что в речах, представляющих собой историческое повествование, мы слышим больше Вергилия, чем Эвандра» [29, р. 44].

В речи Эвандра, излагающего миф, отмечены два сравнения: первое сравнение описывает Кака (VIII, 223), второе — его пещеру (VIII, 241–246). Аркадский царь охотно становится союзником Энея и посылает на войну с Турном самое дорогое, что у него есть, — своего сына Палланта. Юный и

благородный Паллант — один из центральных персонажей «Энеиды», ему поэт посвящает несколько сравнений. В первом из них герой изображен среди троянских вождей, привлекающий «взоры широким плащом и украшенным ярко доспехом». Поэт сопоставляет его с Люцифером, утренней звездой, что блещет в ночи, «лик свой являя святой и с неба тьму прогоняя» (VIII, 587–591).

Три сравнения в восьмой книге связаны с Вулканом, который по просьбе Венеры изготовил для Энея доспехи и оружие. Первое сравнение появляется в сцене, где богиня, излагая Вулкану свою просьбу, сопровождает ее женскими ласками. Вспыхнувшая страсть кузнеца сопоставляется с природным явлением — «Огненной трещиной так разрывает темные тучи / Молний мигающий блеск под удары могучие грома» (VIII, 388–392). Второе сравнение показывает Вулкана за работой: вставший в ранний час, чтобы взяться за дело, он сопоставляется с женщинами, которые заботятся о домашнем хозяйстве, «удлинив дневные труды часами ночными» (VIII, 407–415). Третье сравнение дается в образном описании панциря, который Вулкан и циклопы сделали для Энея, — прочный, изготовленный из «меди алой, как свежая кровь иль как туча на небе закатном, / В час, когда солнца лучи раскалят ее блеском пурпурным» (VIII, 617–623). Это сравнение предваряет описание щита Энея, на котором изображены события римской истории, войны Рима вплоть до битвы при Акции. Примечательно, что в самом описании щита сравнения не используются.

Десять сравнений в восьмой книге составляют 7,88% от всего объема сравнений, по субъектам речи они распределяются следующим образом: 6,86% в речи повествователя и 1,02% в речи персонажей. Отметим, что это последняя книга поэмы, в которой присутствуют сравнения в речи персонажей, в последующем тексте они встречаются только в речи повествователя.

В девятой книге возобновляются военные действия, в которых глубоко и полно раскрывается образ одержимого яростью Турна. В отсутствие Энея рутулы нападают на троянский лагерь, многочисленность войска Турна сопоставляется в речи повествователя с полноводным Гангом и Нилом (IX, 25–32).

В книге, насыщенной сценами сражений, Вергилий вводит сравнения участников битв с растениями, животными, стихийными явлениями природы.

В описании троянских воинов поэт преимущественно использует сравнения с растениями и камнями. Так Пандар и Битий — два рослых воина, устроившие засаду для рутулов, сопоставляются с горами и елями Иды (IX, 674), двумя высокими дубами, вздымающими свои кроны к небесам (IX, 677–682). Пронзенный копьем Битий падает, как каменная глыба (IX, 708–716), а сраженный мечом Эвриал поник, словно срезанный плугом цветок, и голова его бессильно склонилась, как головки мака под осенним ливнем (IX, 433–437).

Отмечаются два случая сравнения троянских воинов с дикими животными — Нис, беспощадный к противникам, сопоставляется с голодным львом в овчарне (IX, 334–341), а Геленор, бросившийся в гущу врагов, сравнивается с испуганным зверем (IX, 551–555).

Из рутулов персональные сравнения получает только Турн — во всех случаях он сопоставляется с хищниками: волком, пытающимся найти вход в овчарню (IX, 59–66), тигром среди овец (IX, 727–730), львом, на которого наступают люди (IX, 791–798), орлом, поймавшим зайца или лебедя (IX, 561–566).

Орудия битвы поэт сопоставляет со стихийными явлениями природы — ливнем, градом (IX, 664–671), молнией (IX, 706–706).

Всего в девятой книге 14 сравнений, все они приводятся в речи повествователя и занимают 10,95% в общем объеме сравнений.

В десятой книге Эней возвращается от царя Эвандра к месту боев с многочисленным войском союзников. Его приближение сопровождается двумя развернутыми сравнениями, в которых сигнальный блеск щита вызывает в лагере дарданцев крик воинов, подобный журавлиному крику (X, 262–266), а блеск оружия Энея сопоставляется со зловещим светом Сириуса (X, 270–275). Поэт подчеркивает изменения характера и поведения героя, превратившегося из отчаявшегося странника, жалующегося на гнев богов и судьбу, в решительного и беспощадного бойца. В сцене сражения Эней, «с теплым от крови клинком», сравнивается даже не с жестоким хищником, а с ужасным чудовищем Эгеоном, «про которого молвят, что сотня / Рук была у него, и полсотни уст, изрыгавших / Пламя, и тел пятьдесят, что от молний Отца заслонялся / Он полусотней щитов, пятьдесят мечей обнажая» (X, 565–570). Сеющий повсюду смерть, герой сопоставляется с яростным смерчем и потоком в половодье (X, 602–604).

В этой и следующей, одиннадцатой, книге на фоне отдельных стычек и поединков выделены как самостоятельные и законченные сцены гибели Палланта, психологическая драма Мезенция, подвиги и смерть Камиллы.

В десятой книге из шестнадцати сравнений одиннадцать связаны с описанием сражения и героев битвы. Противоборствующие стороны, равные по силе и отваге, сопоставляются как прилив и отлив (XI, 624–630), борющиеся между собой ветры, море и тучи (X, 356–361). Людской шум и крик сравнивается с криком журавлей (X, 262–266), шумом лебедей (XI, 454–458) и потоков воды (XI, 296–299).

Необходимо отметить авторский прием концентрации сравнений в эпизоде с Мезенцием, вышедшим против троянцев на смену Турну, которого Юнона обманом увела с поля боя. Здесь с небольшим интервалом идут подряд четыре сравнения, в которых разворачивается образ мощного, неустрашимого, жестокого Мезенция, который подобен скале и выносит, не дрогнув, двойные удары моря и неба (X, 693–696), страшен, как вепрь, к которому охотники боятся подойти (X, 707–718), хищен и свиреп, как голодный лев, терзающий свою добычу (X, 723–729), огромен, как Орион (X, 763–768). Примечательно, что в сравнениях отражаются внешние и внутренние качества персонажа и не затрагиваются его эмоции, связанные с потерей сына.

Всего в десятой книге шестнадцать сравнений, которые занимают 93 строки, что составляет 10,92% в общем объеме сравнений.

В одиннадцатой книге количество сравнений снижается до одиннадцати, а их объем составляет 68 стихов (7,93%). По нашему мнению, это связано с развитием сюжета: противоборствующие стороны заключили перемирие для совершения погребения погибших, и боевые действия, описание которых обычно сопровождается сравнениями, возобновляются в середине книги.

В первой части примечательно сравнение погибшего Палланта с цветком, сорванным девичьей рукой, — нежной лесной фиалкой и томно склоненным гиацинтом (XI, 67–71). Сравнение подчеркивает юность и красоту героя, жизнь которого оборвалась так рано. Эней оплакивает Палланта и передает его тело для погребения отцу Эвандру, отобрав для почетного сопровождения тысячу лучших воинов.

Значительная часть книги содержит повествование о Камилле, включая историю рождения и юности, участия в войне на стороне Турна,

ее подвиги и гибель от руки Аррунта. Самой Камилле автор посвящает одно сравнение, в сцене, где амазонка настигает и убивает Авна. Выразительность эпизода усиливается инверсией образов сравнения, при которой женский персонаж сопоставляется с ястребом, а мужской — с голубкой (XI, 718–724).

В другом сравнении Аррунт, пронзивший копьем Камиллу, от ликования и ужаса совершенного прячется, словно волк, убивший пастуха или теленка, «ибо знает вину за собою» (XI, 809–815). Гибель Камиллы, которая была дороже всех Диане, незамедлительно влечет за собой смерть самого Аррунта от «мстящей» стрелы богини.

В двенадцатой книге встречается 19 сравнений, которые занимают 127 строк, или 14,23% объема сравнений в поэме — это максимальные значения во всем произведении. В качестве объектов сравнения преимущественно выступают Эней и Турн. В развернутых сравнениях поэт описывает состояние героев перед битвой и во время нее, дает образную характеристику действиям и поступкам персонажей.

Турн, принявший решение о поединке с Энеем, сравнивается с раненым свирепым львом, готовящимся к бою с охотником (XII, 4–9), молодым бычком, который перед первой битвой пытается бодать ветер и роет копытами песок (XII, 101–106). В сражении, начавшемся вследствие ложного знамения Ютурны, повлекшем нарушение договора, Турн сопоставляется с богом войны Марсом (XII, 331–340), его напор подобен бурному северному ветру (XII, 365–370) и глыбе, обрушившейся со скалы (XII, 684–692).

Стремительность и неотвратимость Энея и Турна на поле боя сопоставляется с пожаром в сухостойном лесу и с горными потоками, сметающими все на своем пути (XII, 521–528).

Сравнение со смерчем используется для описания Энея и его войска (XII, 451–458), сам герой перед поединком с Турном в своей мощи подобен горам Афон, Эрик и Апеннин (XII, 697–703).

В ход событий постоянно вмешиваются боги, и их действия отмечены сравнениями: нимфа Ютурна, оказывающая поддержку Турну, принимает облик возницы Метиска; под ее управлением колесница мчится по бранному полю, меняя направление, подобно ласточке, залетевшей в дом (XII, 473–480). Юпитер, желая прекратить вмешательство Ютурны, направляет

ей грозное знамение — крылатую Диру, стремительный полет которой сопоставляется с полетом стрелы (XII, 856–860).

В поединке герои подобны двум быкам, сошедшимся в битве за право быть вожаком стада (XII, 715–724). Турн, спасающийся бегством от Энея, подобен Эвру (XII, 733), а преследующий его троянец сравнивается с охотничьим псом, загоняющим оленя (XII, 746–755). Роковой полет копья, пущенного мощной рукой Энея, сравнивается с грохотом камня из осадного оружия и громом, сопровождающим молнию (XII, 919–926). Поединок Энея и Турна, завершающийся победой троянского героя, решает не только исход войны, но и судьбы римского народа.

Подводя итог, отметим, что в «Энеиде» сравнения являются одним из самых важных элементов поэтического искусства Вергилия: через них он показывает чувства героев, выражает конфликты, вспоминает прошлое и предсказывает будущее.

Как и в предшествующей эпической традиции, сравнения преобладают в тех частях и эпизодах поэмы, в которых дается описание сражений и поединков. Особенностью «Энеиды» является концентрация сравнений в эпизоде спортивных состязаний в пятой книге, описание которых по используемой лексике сопоставимо с описаниями боевых действий. Таким образом, темы, с которыми связаны места высокой концентрации сравнений в поэме Вергилия, — война и игры — подчеркнута «эпические».

В характере распределения сравнений по субъектам речи также наблюдается следование эпической традиции: сравнения сосредоточены в речи повествователя, в речи персонажей их существенно меньше. Сравнения в речи персонажей в основном сконцентрированы в тех местах поэмы, где речь персонажа становится сама похожа на речь эпического поэта: прежде всего в длинном монологе Энея во второй и третьей книгах, а также в речах Анхиза в шестой книге и в рассказе Эвандра о Геркулесе и Каке в восьмой книге.

Сравнения в речи повествователя служат для описания и характеристики героев, людей, богов, хтонических существ и явлений. Сравнения в речи персонажей используются в общении с тенями умерших, вещих снах, пророчествах, описании хтонических существ, а также характеристике действий противоборствующих сторон и отдельных героев.

Сохраняя черты преемственности с предшествующей традицией, поэма Вергилия отличается и принципиальной новизной. Новый подход, отвечающий вкусу и требованиям современной автору эпохи, находит отражение не только в выборе сюжета для изображения величия Рима, высокого происхождения римского народа и императора Августа, но и в творческом подборе и расположении эстетических речевых элементов, придающих произведению красоту, ясность, единство и обеспечивающих эмоциональное переживание художественного текста читателем и слушателем.

Список литературы**Исследования**

- 1 *Альбрехт М. фон.* История римской литературы / пер. А.И. Любжина. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2004. Т. II. 704 с.
- 2 *Боровиковский И.* Сравнения из Энеиды Вергилия // Журнал Министерства народного просвещения. 1876. Ч. CLXXXV. Отд. класс. фил. С. 40–73.
- 3 *Васютинский Н.А.* Золотая пропорция. М.: Молодая гвардия, 1990. 238 с.
- 4 *Гаспаров М.Л.* Избранные труды. М.: Языки русской культуры, 1997. Т. I: О поэтах. 664 с.
- 5 *Гобза И.О.* О сравнениях, встречающихся в Энеиде Вергилия. М.: Тип. Г. Лиснера и Д. Собко, 1912. 46 с.
- 6 *Жолковский А.К., Щеглов Ю.К.* Работы по поэтике выразительности: Инварианты – Тема – Приемы – Текст / предисл. М.Л. Гаспарова. М.: Прогресс, 1996. 344 с.
- 7 *Котова А.В.* Об источниках одного сравнения у Валерия Флакка (V. Fl. 7. 121–126) // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2019. № 23-1. С. 580–586. DOI: 10.30842/ielcr230690152347
- 8 *Котова А.В.* Сопоставительный анализ количественных характеристик распределения сравнений в «Энеиде» Вергилия и «Аргонавтике» Валерия Флакка // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2020. № 24-2. С. 1021–1033. DOI: 10.30842/ielcr230690152470
- 9 *Котова А.В.* Verg. Aen. I, 498–504: Об уместности сравнения // Philologia Classica. 2014. Т. 9. С. 275–287.
- 10 *Мальшева Е.Г.* Дискурс российских спортивных СМИ. Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2016. 272 с.
- 11 *Михновец Н.Г.* Явление прецедентности: лингвистический и литературоведческий подходы // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2006. Т. 7, № 21-2. С. 41–50.
- 12 *Мостовая В.Г.* Гомеровский интертекст в «Аргонавтике» Аполлония Родосского (на материале эпических сравнений III книги) // Литература и культура эллинизма. Сборник статей по материалам конференции памяти В.П. Завьяловой. Москва, 14–15 ноября 2016 г. / сост. Я.Л. Забудская, В.В. Муханова. М.: Изд-во Московского ун-та, 2017. С. 38–46.
- 13 *Мостовая В.Г.* Сравнения в «Аргонавтике» Аполлония Родосского: трансформация эпической традиции // Новый филологический вестник. 2020. № 2. С. 268–279. DOI: 10.24411/2072-9316-2020-00048
- 14 *Мостовая В.Г.* Функции сравнений в речи персонажей «Илиады» // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2007. № 1. С. 95–104.
- 15 *Немировский А.И.* Ранняя Италия и Рим. М.: Вече, 2017. 431 с.
- 16 *Перебийнос В.И.* Статистические методы для лингвистов / под ред. М.Р. Кауль.

- М.: РГТУ, 2016. 239 с.
- 17 *Полонская К.П.* Римские поэты эпохи принципата Августа. М.: Изд-во Московского ун-та, 1963. 107 с.
- 18 *Тахо-Годи А.А.* Структура поэтических тропов в «Илиаде» Гомера // Вопросы античной литературы и классической филологии. М.: Наука, 1966. С. 45–59.
- 19 *Теперик Т.Ф.* Поэтика сновидения в античном эпосе: на материале поэм Гомера, Аполлония Родосского, Вергилия, Лукана: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2008. 356 с.
- 20 *Янзина Э.В.* Античные спортивные единоборства в терминологическом, практическом и общекультурном аспектах: дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 291 с.
- 21 *Bassett S.E.* The Poetry of Homer. California: U.C. Press, 1938. 273 p.
- 22 *Beck D.* Simile Structure in Homeric Epic and Vergil's Aeneid // Between Orality and Literacy: Communication and Adaptation in Antiquity. Orality and Literacy in the Ancient World. Leiden, Boston: Brill, 2014. Vol. 10 / ed. by R. Scodel. P. 244–266.
- 23 *Coffey M.* The Subject Matter of Vergil's Similes // Bulletin of the Institute of Classical Studies. 1961. Vol. 8. P. 63–75.
- 24 *Dominik W.J.* Similes and Their Programmatic Role in the Thebaid // Brill's Companion to Statius / ed. by W.J. Dominik, C.E. Newlands, and K. Gervais. Leiden, Boston: Brill, 2015. P. 266–290. https://doi.org/10.1163/9789004284708_016
- 25 *Fraser A.D.* The Simile in Virgil // The Classical Journal. 1923. Vol. 19. P. 48–49.
- 26 *Hardie P.R.* The Epic Successors of Virgil: A Study in the Dynamics of a Tradition. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. 129 p.
- 27 *Hardie P.* Virgil. Oxford: Oxford University Press, 1998. iv, 126 p.
- 28 *Harrison S.J.* Generic Enrichment in Vergil and Horace. Oxford: Oxford University Press, 2007. viii, 262 p.
- 29 *Hight G.* The Speeches in Vergil's Aeneid. Princeton, N.J.: University Press; London: Oxford University Press, 1972. 380 p.
- 30 *Hornsby R.A.* Patterns of Action in the Aeneid: An Interpretation of Vergil's Epic Similes. Iowa: University of Iowa Press, 1970. ix, 156 p.
- 31 *Hudson D.M.* Aspects of Valerius Flaccus' Argonautica: A Literary Assessment. Adelaide: University of Adelaide, 1986. 178 p.
- 32 *Gärtner U.* Gehalt und Funktion der Gleichnisse bei Valerius Flaccus. Stuttgart: Franz Steiner, 1994. 362 S.
- 33 *Gärtner U., Blaschka K.* Similes and Comparisons in the Epic Tradition // Structures of Epic Poetry. Berlin, Boston: De Gruyter, 2019. Vol. I: Foundations / ed. by Ch. Reitz and S. Finkmann. P. 727–772.
- 34 *Knauer G.N.* Die Aeneis und Homer: Studien zur poetischen Technik Vergils mit Listen der Homerzitate in der Aeneis. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1964. 549 S.
- 35 *Lovatt H.* Statius and Epic Games. Sport, Politics and Poetics in the Thebaid. Cambridge, New York: Cambridge University Press. 2005. xii, 336 p.

- 36 *Mackay A.T.* Animals and Animal-Human Dynamics in Valerius Flaccus' Argonautica. London: University College London, 2019. 301 p.
- 37 *McNelis Ch.* Similes and Gender in the Achilleid // Brill's Companion to Statius / ed. by W.J. Dominik, C.E. Newlands, and K. Gervais. Leiden, Boston: Brill, 2015. P. 189–204. https://doi.org/10.1163/9789004284708_012
- 38 *Panoussi V.* Greek Tragedy in Vergil's "Aeneid": Ritual, Empire, and Intertext. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 257 p.
- 39 *Ready J.L.* Character, Narrator, and Simile in the Iliad. Cambridge, New York: Cambridge University Press, 2011. ix, 323 p.
- 40 *Schell K.C.* Vergil's Self-Referential Simile: Thematic Construction through Internal Allusion in the Aeneid. Providence, Rhode Island: s. n., 2009. vi, 233 p.
- 41 *Sfyroeras P.* Like Purple on Ivory: A Homeric Simile in Statius' Achilleid // Flavian Poetry and its Greek Past / ed. by A. Augoustakis. Leiden, Boston: Brill, 2014. P. 235–248. https://doi.org/10.1163/9789004266490_014

Источники

- 42 *Вергилий Марон П.* Буколики. Георгики. Энеида / пер. с лат., вступ. ст. М. Гаспарова; коммент. Н. Старостиной и Е. Рабинович. М.: Худож. лит., 1979. 550 с.
- 43 *Гомер.* Илиада / пер. Н.И. Гнедича, изд. подгот. А.И. Зайцев. Л.: Наука, 1990. 572 с.
- 44 *P. Vergilius Maro.* Aeneis / rec. atque app. crit. instr. G.B. Conte. 2 ed. Berlin; Boston: De Gruyter, 2019. li, 384 p.

References

- 1 Albrecht, M. von. *Istoriia rimskoi literatury* [*History of Roman Literature*], vol. II, trans. by A.I. Liubzhin. Moscow, Greko-latinskii kabinet Iu.A. Shichalina Publ., 2004. 704 p. (In Russ.)
- 2 Borovikovskii, I. "Sravneniia iz Eneidy Vergiliia" ["Similies in Virgil's 'Aeneid'"]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia*, no. CLXXXV, Otdelenie klassicheskoi filologii, 1876, pp. 40–73. (In Russ.)
- 3 Vasiutinskii, N.A. *Zolotaia proporsiiia* [*Golden Ratio*]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 1990. 238 p. (In Russ.)
- 4 Gasparov, M.L. *Izbrannye trudy* [*Selected Works*], vol. I: O poetakh [About Poets]. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 1997. 664 p. (In Russ.)
- 5 Gobza, I.O. *O sravneniiaakh, vstrechaiushchikhsia v Eneide Vergiliia* [*On the Similes in Virgil's 'Aeneid'*]. Moscow, G. Lissnera i D. Sobko Publ., 1912. 46 p. (In Russ.)
- 6 Zholkovskii, A.K., Shcheglov, Iu.K. *Raboty po poetike vyrazitel'nosti: Invariant – Tema – Priemy – Tekst* [*Works on the Poetics of Expressiveness: Invariants – Theme – Techniques – Text*]. Moscow, Progress Publ., 1996. 344 p. (In Russ.)
- 7 Kotova, A.V. "Ob istochnikakh odnogo sravneniia u Valerii Flakka (V. Fl. 7. 121–126)" ["On the Sources of One Simile in Valerius Flaccus 7. 121–126"]. *Indoevropeskoe iazykoznanie i klassicheskaia filologiia*, no. 23–1, 2019, pp. 580–586. DOI: 10.30842/ielcp230690152347 (In Russ.)
- 8 Kotova, A.V. "Sopostavitel'nyi analiz kolichestvennykh kharakteristik raspredeleniia sravnenii v 'Eneide' Vergiliia i 'Argonavtike' Valerii Flakka" ["Comparative Analysis of Quantitative Characteristics of Distribution of Similes in Virgil's 'Aeneid' and Valerius Flaccus' 'Argonautica'."]. *Indoevropeskoe iazykoznanie i klassicheskaia filologiia*, no. 24–2, 2020, pp. 1021–1033. DOI: 10.30842/ielcp230690152470 (In Russ.)
- 9 Kotova, A.V. "Verg. Aen. I, 498–504: Ob umestnosti sravneniia" ["Verg. Aen. I, 498–504: On Relevance of the Simile"]. *Philologia Classica*, no. 9, 2014, pp. 275–287. (In Russ.)
- 10 Malysheva, E.G. *Diskurs rossiiskikh sportivnykh SMI* [*Russian Sports Media Discourse*]. Omsk, Dostoevsky Omsk State University Publ., 2016. 272 p. (In Russ.)
- 11 Mikhnovets, N.G. "Iavlenie pretседentnosti: lingvisticheskii i literaturovedcheskii podkhody" ["The Phenomenon of Precedent: Linguistic and Literary Approaches"]. *Izvestiia Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*, vol. 7, no. 21–2, 2006, pp. 41–50. (In Russ.)
- 12 Mostovaia, V.G. "Gomerovskii intertekst v 'Argonavtike' Apollonii Rodoskogo (na materiale epicheskikh sravnenii III knigi)" ["Homeric Intertext in Apollonius Rhodius' 'Argonautica' (based on Epic Similes of Book III)"]. *Literatura i kul'tura ellinizma* [*Hellenistic Literature and Culture*]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Publ., 2017, pp. 38–46. (In Russ.)

- 13 Mostovaia, V.G. "Sravneniia v 'Argonavtike' Apolloniia Rodosskogo: transformatsiia epicheskoi traditsii" ["The Simile in the 'Argonautica' of Apollonius of Rhodes: Transformation of the Epic Tradition"]. *Novyi filologicheskii vestnik*, no. 2, 2020, pp. 268–279. DOI: 10.24411/2072-9316-2020-00048 (In Russ.)
- 14 Mostovaia, V.G. "Funktsii sravnenii v rechi personazhei 'Iliady'." ["Function of Similes in the Characters' Speeches in the 'Iliad'."]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*, ser. 9. Filologiya, no. 1, 2007, pp. 95–104. (In Russ.)
- 15 Nemirovskii, A.I. *Ranniaia Italiia i Rim [Early Italy and Rome]*. Moscow, Veche Publ., 2017. 431 p. (In Russ.)
- 16 Perebeinos, V.I. *Statisticheskie metody dlia lingvistov [Statistical Methods for Linguists]*. Moscow, Russian State Technological University Publ., 2016. 239 p. (In Russ.)
- 17 Polonskaia, K.P. *Rimskie poety epokhi printsipata Avgusta [Roman Poets of the Augustan Principate]*. Moscow, Lomonosov Moscow State University Publ., 1963. 107 p. (In Russ.)
- 18 Takho-Godi, A.A. "Struktura poeticheskikh tropov v 'Iliade' Gomera" ["The Structure of Poetic Tropes in Homer's 'Iliad'."]. *Voprosy antichnoi literatury i klassicheskoi filologii [Questions of Ancient Literature and Classical Philology]*. Moscow, Nauka Publ., 1966, pp. 45–59. (In Russ.)
- 19 Teperik, T.F. *Poetika snovideniia v antichnom epose: na materiale poem Gomera, Apolloniia Rodosskogo, Vergiliia, Lukana [The Poetics of Dreams in the Ancient Epic: Based on the Poems of Homer, Apollonius of Rhodes, Virgil, Lucan: DSc Dissertation]*. Moscow, 2008. 356 p. (In Russ.)
- 20 Ianzina, E.V. *Antichnye sportivnye edinoborstva v terminologicheskom, prakticheskom i obshchekul'turnom aspektakh [Ancient Martial Arts in Terminological, Practical and General Cultural Aspects: PhD Dissertation]*. Moscow, 2004. 291 p. (In Russ.)
- 21 Bassett, Samuel Eliot. *The Poetry of Homer*. California, U.C. Press, 1938. 273 p. (In English)
- 22 Beck, Deborah. "Simile Structure in Homeric Epic and Vergil's Aeneid." *Between Orality and Literacy: Communication and Adaptation in Antiquity. Orality and Literacy in the Ancient World*, vol. 10, ed. by R. Scodel. Leiden, Boston, Brill, 2014, pp. 244–266. (In English)
- 23 Coffey, Michael. "The Subject Matter of Vergil's Similes." *Bulletin of the Institute of Classical Studies*, vol. 8, 1961, pp. 63–75. (In English)
- 24 Dominik, William J. "Similes and Their Programmatic Role in the Thebaid." *Brill's Companion to Statius*. Ed. by W.J. Dominik, C.E. Newlands, and K. Gervais. Leiden, Boston, Brill, 2015, pp. 266–290. https://doi.org/10.1163/9789004284708_016 (In English)
- 25 Fraser, A.D. "The Simile in Virgil." *The Classical Journal*, vol. 19, 1923, pp. 48–49. (In English)

- 26 Hardie, Philip R. *The Epic Successors of Virgil: A Study in the Dynamics of a Tradition*. Cambridge, Cambridge University Press, 1993. 129 p. (In English)
- 27 Hardie, Philip. *Virgil*. Oxford, Oxford University Press, 1998. iv, 126 p. (In English)
- 28 Harrison, Stephen J. *Generic Enrichment in Vergil and Horace*. Oxford, Oxford University Press, 2007. viii, 262 p. (In English)
- 29 Hight, Gilbert. *The Speeches in Vergil's Aeneid*. Princeton, N.J., University Press, London, Oxford University Press, 1972. 380 p. (In English)
- 30 Hornsby, Roger A. *Patterns of Action in the Aeneid: An Interpretation of Vergil's Epic Similes*. Iowa, University of Iowa Press, 1970. IX, 156 p. (In English)
- 31 Hudson, Dorothy May. *Aspects of Valerius Flaccus' Argonautica: A Literary Assessment*. Adelaide, University of Adelaide, 1986. 178 p. (In English)
- 32 Gärtner, Ursula. *Gehalt und Funktion der Gleichnisse bei Valerius Flaccus*. Stuttgart, Franz Steiner, 1994. 362 S. (In German)
- 33 Gärtner, Ursula, Blaschka, Karen. "Similes and Comparisons in the Epic Tradition." *Structures of Epic Poetry*, vol. I: Foundations, ed. by Ch. Reitz and S. Finkmann. Berlin, Boston, De Gruyter, 2019, pp. 727–772. (In English)
- 34 Knauer, Georg Nikolaus. *Die Aeneis und Homer: Studien zur poetischen Technik Vergils mit Listen der Homerzitate in der Aeneis*. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 1964. 549 S. (In German)
- 35 Lovatt, Helen. *Stattius and Epic Games. Sport, Politics and Poetics in the Thebaid*. Cambridge, New York, Cambridge University Press. 2005. xii, 336 p. (In English)
- 36 Mackay, Anne Tuttle. *Animals and Animal-Human Dynamics in Valerius Flaccus' Argonautica*. London, University College London, 2019. 301 p. (In English)
- 37 McNelis, Charles. "Similes and Gender in the Achilleid." *Brill's Companion to Stattius*. Ed. by W.J. Dominik, C.E. Newlands, and K. Gervais. Leiden, Boston, Brill, 2015, pp. 189–204. https://doi.org/10.1163/9789004284708_012 (In English)
- 38 Panoussi, Vassiliki. *Greek Tragedy in Vergil's "Aeneid": Ritual, Empire, and Intertext*. Cambridge, Cambridge University Press, 2009. 257 p. (In English)
- 39 Ready, Jonathan L. *Character, Narrator, and Simile in the Iliad*. Cambridge, New York, Cambridge University Press, 2011. ix, 323 p. (In English)
- 40 Schell, Keeley Cathleen. *Vergil's Self-Referential Simile: Thematic Construction through Internal Allusion in the Aeneid*. Providence, Rhode Island, s. n., 2009. VI, 233 p. (In English)
- 41 Sfyroeras, Pavlos. "Like Purple on Ivory: A Homeric Simile in Stattius' Achilleid." *Flavian Poetry and its Greek Past*, ed. by A. Augoustakis. Leiden, Boston, Brill, 2014, pp. 235–248. https://doi.org/10.1163/9789004266490_014 (In English)